

Цицерон и античная риторика

I

Современному человеку трудно представить и понять, какое значение имела для античности культура красноречия и каким почетом оно пользовалось. Новое время, время революций и парламентской борьбы, знало немало выдающихся ораторов, память о них сохранялась надолго, но никогда в Новое время не приходилось обозначать целый литературный период именем великого оратора, как обозначаем мы в римской литературе I в. до н. э. именем Цицерона.

Чтобы оценить это исключительное значение ораторского слова в древности, следует прежде всего вспомнить, что вся культура Греции и Рима — особенно по сравнению с нашей — в большей степени была культурой устного, а не письменного слова. Книги были рукописные, книг было мало, многое приходилось заучивать наизусть, и люди хранили любимые сочинения поэтов и прозаиков не на полках, а в памяти. Стихи Вергилия и периоды Цицерона одинаково рассчитаны не на чтение глазами, а на произнесение вслух. Даже исторические сочинения, даже философские трактаты, даже научные исследования писались прежде всего для громкого чтения. Высказывалось предположение, что античность вовсе не знала чтения «про себя»: даже наедине с собою люди читали книги вслух, наслаждаясь звучащим словом. Поэтому нетрудно

понять, какое значение для развития художественного стиля античной литературы имело красноречие — жанр, в котором звучащее слово царило полновластнее всего.

Далее, следует помнить, что античность до самого позднего времени не знала беллетристики в нашем смысле слова: художественной прозы с вымышленным занимательным сюжетом. Если читатель искал занимательности, он брался за историю, за мифологию, за описательную географию и естествознание — книги о дальних странах и диковинках природы; если же читатель искал художественности, он брался за поэтов, а из прозаиков — прежде всего за ораторов. Таким образом, речи Демосфена и Цицерона оставались источниками художественного наслаждения даже для тех читателей, которые не знали и не думали, когда, зачем и о чем эти речи были произнесены.

Наконец — и это важнее всего — в общественной жизни античных государств красноречие играло неизмеримо более важную роль, чем в Новое время. Древность не знала представительной системы правления, власть в государстве принадлежала только тем членам правящего сословия, которые являлись в сенат, и только тем гражданам, которые толпились на площади народного собрания; и, обращаясь к ним лично, хороший оратор одной выразительной речью мог решающим образом повлиять на государственную политику. В наше время эта роль все более переходит от устных речей к печатным статьям, и все чаще приходится слышать с трибуны речи, написанные в форме статьи и читаемые по записке; в древности же, напротив, даже если речь не предназначалась к произнесению и издавалась письменно, как памфлет, она бережно сохраняла все признаки стиля и жанра устной речи. Общественную роль играли не только речи в сенате и в народном собрании — «совещательные», по античной терминологии, — но и речи торжественные и судебные. Торжественные речи на празднестве или чествовании очень часто выливались в декларацию политической программы, а судебные речи обычно использовались, чтобы свести политические

счеты с противником, обвинив его в злоупотреблении властью или опорочив как частное лицо.

Легко понять, что больше всего простора для развития красноречия предоставлял демократический строй. И действительно, два периода наибольшего расцвета античного красноречия приблизительно совпадают с двумя периодами большого подъема рабовладельческой демократии. В Греции это V–IV вв. до н. э., в Афинах — время от Перикла до Демосфена; в Риме это I в. до н. э., время Цицерона.

Афинская демократия V–IV вв. породила целую плеяду славных ораторов, имена которых с неизменным почетом упоминаются у Цицерона. Великим оратором считали Фемистокла, основателя афинского могущества; о Перикле говорили, что его речь подобна громам и молниям; глашатай простонародья Клеон и идеолог аристократии Ферамен оставили свои имена в истории аттического красноречия. Правда, все их речи остались незаписанными, и потомки могли о них судить лишь по преданию или в лучшем случае по той великолепной речи, которую Фукидид в своей «Истории» влагает в уста Перикла. Первым оратором, который стал записывать свои речи, считался Антифонт, современник Ферамена. Зато следующие поколения, ряд великих ораторов IV в., уже вошли в литературу с писаными речами. Первым в этом ряду стоит Лисий, признанный образец простоты и изящества; затем — Исократ, «отец красноречия», сам почти не выступавший публично, но оставивший много писанных речей и воспитавший много талантливых учеников; и затем, уже в пору борьбы Афин против македонского наступления на Грецию — лучшие ораторы македонской партии, блестящий Эсхин и язвительный Демад, и лучшие ораторы антимакедонской партии, резкий Ликург и тонкий Гиперид, во главе с величайшим оратором Греции — Демосфеном. Речи Демосфена были вершиной аттического красноречия, преклонение перед его гением было всеобщим: Цицерон считал его речи совершенством, Квинтилиан называл его

законодателем слова. Параллельно с этим стремительным развитием красноречия и под его ощутимым влиянием развивались и другие жанры художественной прозы. В эпически-плавном историческом повествовании Геродота еще незаметно приемов красноречия; но крупнейший греческий историк Фукидид уже считался учеником оратора Антифонта; продолжатель Фукидида Ксенофонт разделял с Лисием славу сладостной простоты и изящества; а два историка IV в., более всего повлиявшие на позднейшую историографию, Эфор и Феопомп, были учениками Исократы и обрабатывали исторический материал в соответствии с его риторическими предписаниями. Наконец, Платон, величайший из философов, признавался также величайшим мастером слова, равным Демосфену («так говорил бы Юпитер, если бы стал говорить по-гречески», — пишет о нем Цицерон¹); и его ученик Аристотель в меру сил подражал учителю в тех своих написанных для широкой публики произведениях, которые до нас не дошли, но которыми древность восхищалась.

В этой обстановке подъема и расцвета политического красноречия складывалось представление демократической Греции об идеале человека. Это был образ «общественного человека» (ἀνὴρ πολιτικός), человека, способного держать в своих руках управление государством; и понятно, что искусство владеть речью было непременной и важнейшей чертой этого образа. Глашатаями этого человеческого идеала выступили во второй половине V в. до н. э. софисты, странствующие «учителя мудрости».

Софистика V в. была очень сложным идейным явлением, однако бесспорно одно: несмотря на то, что слушателями софистов сплошь и рядом были аристократы, несмотря на то, что теории софистов охотно брали на вооружение противники демократов, все же софистика в целом была духовным детищем демократии. Демократическим

¹ «Брут», 121. — Здесь и далее в ссылках указываются только параграфы Цицероновских книг.

было, прежде всего, само предложение научить любого желающего всем доступным знаниям и этим сделать его совершенным человеком — предложение, которым больше всего привлекали к себе внимание софисты. Демократический образ мыслей лежал и в основе тех представлений о знании, с которыми выступали софисты: в основе учения об относительности истины. Как в свободном государстве всякий человек имеет право судить о государственных делах и требовать, чтобы с ним считались, так и о любом предмете всякий человек вправе иметь свое мнение, и оно имеет столько же прав на существование, как и любое другое. Объективной истины нет, есть только субъективные суждения о ней: человек есть мера всех вещей. Поэтому нельзя говорить, что одно мнение истиннее другого: можно лишь говорить, что одно мнение убедительнее другого. Научить убедительности, научить «делать слабое мнение сильным» — так представляли свою главную задачу софисты-преподаватели. Для этого в их распоряжении были два средства: диалектика, искусство рассуждать, и риторика, искусство говорить; первая обращалась к разуму слушателей, вторая — к чувству. Тот, кто умело владеет обоими искусствами, может переубедить любого противника и добиться торжества своего мнения: а в этом и заключается цель идеального «общественного человека», участвующего в государственных делах. Отсюда понятно то внимание, с каким софисты занимались теорией красноречия. Протагор, один из первых софистов, считался изобретателем «общих мест», которые играли такую важную роль в позднейшей риторике. Горгий, софист с самой громкой славой, первый стал художественно использовать три самые яркие риторические фигуры — параллелизм (исоколон), антитезу и созвучие окончаний (гомойотелевтон); афиняне долго помнили о том неслыханном успехе, какой имели эти непривычно изысканные, звучащие почти как стихи, речи Горгия, когда он в 427 г. впервые приехал в Афины из своей родной Сицилии. Современник Горгия Фрасимах первым

стал разрабатывать вопросы ораторского ритма; ученики Горгия Пол и Аикимний занимались вопросами ораторской лексики; младшие софисты Продик и Гиппий изучали воздействие речи на чувства. Софистам же принадлежит разработка системы учебных ораторских упражнений — декламаций на заданные темы: отчасти в виде речей с похвалами, порицаниями, описаниями и т. п., отчасти в виде прений по вымышленным судебным делам.

Однако расцвет софистики был шумным, но недолгим. Возвысившись с подъемом афинской демократии, она закатилась вместе с нею. К концу V в., в ходе несчастной Пелопоннесской войны, несовершенство и внутренняя противоречивость рабовладельческой демократии сделались явными. Стало ясно, что самый разумный «общественный человек» не в силах преодолеть несовершенства существующего государственного строя и должен или подчиниться ему в своей практике, отрешившись от всех идеальных устремлений, или отказаться от всякой общественной деятельности и заняться самосовершенствованием в узком кругу искателей истинного блага. Идеал «общественной жизни» распался на два взаимоисключающих понятия: «жизнь деятельная» (*πρακτικὸς βίος*) и «жизнь созерцательная» (*θεωρητικὸς βίος*). Идеалом первой был ритор — практик и политик; идеалом второй — философ, теоретик и мыслитель. Отныне вся духовная жизнь античности была заключена между этими двумя полюсами — риторикой и философией. Отношения названных культурных идеалов менялись: иногда между ними шла жестокая борьба, иногда намечалось примирение, но борьба никогда не заканчивалась победой одного из них, а примирение не превращалось в слияние обоих.

Первый вызов софистическому идеалу единства философии и риторики был брошен Сократом. Сократ выступил против краеугольного положения софистов — против учения об относительности истины. Для Сократа абсолютная истина существует, она божественна, она выше человеческих суждений, и она-то является мерой всех ве-

щей. Следовательно, риторика бесполезна: мнение истинное сохранит свою силу даже без риторических убеждений, а мнение ложное даже с помощью риторики не устоит против истины. Эта мысль о тщете риторики была воспринята, обоснована и развита Платоном в диалогах «Федр» и «Горгий» — оба диалога не раз упоминаются Цицероном. Критика существующей риторики представлена Платоном, главным образом, в «Горгии», идеал истинного красноречия — в «Федре». Чтобы наставить слушателей на истинный путь, заявляет Платон устами Сократа, оратор должен сам знать, что истинно и что ложно, что справедливо и что несправедливо, а это знание доступно только философу. Не владея этим знанием, оратор-софист, стремящийся к успеху, будет лишь идти на поводу у публики, потакая ее заблуждениям и тем принося народу не пользу, а вред. Риторика не имеет даже права называться наукой, изучающей законы речи, так как форма речи не подчиняется никаким общим законам и определяется только конкретным содержанием речи; риторика есть всего лишь практическое знание, приобретаемое не изучением, а опытом. Этой ходячей риторике Платон противопоставляет истинное красноречие, основанное на подлинном знании и потому доступное только философу. Познав сущность вещей, философ придет к правильному о них мнению, а познав природу человеческих душ, он правильно внушит свое мнение душам слушателей. Образец такого истинного красноречия предлагает Платон в том же «Федре»: это знаменитая речь Сократа о любви, которую он произносит, соперничая с речью профессионального оратора Лисия о том же предмете, и остается бесспорным победителем.

Сокрушительное выступление Платона против риторики было моментом наивысшего обострения вражды между риторикой и философией. Но, как всякая крайность, такое отношение не могло держаться долго. В том же IV в. уже намечаются тенденции к примирению этих двух наук. Со стороны риторики на уступки идет Исократ,

со стороны философии — Аристотель. Они ненавидели друг друга («стыдно молчать и позволять говорить Исократам!» — говорил, по преданию, Аристотель), но объективно оба стремились к одной цели. Поэтому не так уж не прав был Цицерон, когда упоминал их имена рядом.

Исократ был учеником Горгия и прямым наследником софистической образовательной системы. Однако он внес в нее самые решительные изменения. Прежде всего он полностью отказался от софистических притязаний на знание всех наук. Его школа давала ученикам не сумму знаний, а искусство пользоваться знаниями, ключ к человеческой культуре. Поэтому Исократ называл себя философом, но это слово он понимал иначе, чем Сократ и Платон. Умозрительная философия была слишком неудобна для практической жизни, в которой приходится иметь дело не с истинами, а с мнениями. Поэтому тем ключом к деятельности, каким для Платона была Истина, для Исократа стало Слово. Исократ соглашался, что искусство правильно говорить и правильно мыслить едино, но он считал, что первое искусство должно подводить ко второму, а не второе к первому. Он соглашался, что красноречие и добродетель должны быть неразрывны, но больше рассчитывал не на то, что добродетельный человек будет искать дополнения своему совершенству в красноречии, а на то, что красноречивый человек будет подкреплять авторитет своей речи авторитетом своей личности. Во всех этих суждениях виден искусный воспитатель, привыкший обдумывать не только цель, но и путь к этой цели. Таким путем была для Исократа риторика. Риторика стояла в центре его образовательной системы, элементы других знаний были только подготовкой к ней. Исократ усовершенствовал риторическую теорию, умерив крайности софистического стиля, изгнав из прозаической речи слишком яркие поэтические слова и ритмы и выработав тип пространного и стройного, в меру ритмизованного речевого периода. Его идеалом была речь легкая и изящная, которую простой человек поймет, а знаток оценит.

Как Исократ переработал риторiku софистов, так Аристотель смягчил непримиримость философии Платона. Перерабатывая идеалистическую философию Платона в материалистическом направлении, Аристотель не мог принять платоновский разрыв между миром чувственным и миром умопостижимым, между мнением и знанием; для него мнение было лишь низшей, подготовительной ступенью знания. Это позволило ему восстановить риторiku в правах науки: в его системе наук риторика стала наукой о законах мнения, как логика — наукой о законах знания. В основу риторики были положены понятия о благе и справедливости; учение о доказательствах было разработано по образцу логики, учение о возбуждении страстей — по образцу этики; учение о словесном выражении, самое важное для традиционной риторики, оказалось самым мало важным для Аристотеля и свелось к систематизации приемов практической (исократовской) риторики с точки зрения главного требования к речевому стилю: ясности. Так создалась стройная система философской риторики, замечательная по мастерству соединения практических требований и философских обоснований. Однако эта система учила скорее исследовать речи, чем их составлять, была средством науки, а не школы; поэтому при всем уважении к имени Аристотеля, его «Риторика» почти не повлияла на практику риторического преподавания. Гораздо большее значение для школы имела деятельность ученика и продолжателя Аристотеля — Феофраста: сосредоточив свое внимание на вопросах стиля и исполнения речи, широко пользуясь практическим опытом Исократа и его традиции, он дал в распоряжение школы обширный и отлично систематизированный аппарат риторических категорий, и его сочинение «О слоге» (до нас не дошедшее) оказало едва ли не самое сильное влияние на все последующее развитие риторической теории.

Между тем, как заветы Платона, Аристотеля, Исократа переходили от учителей к их ученикам, в истории Греции наступала новая эпоха: эллинизм. На Востоке, в странах,